

**Палач
Империи**

**Варяжский
гость
Книга
1**

Денис Белевцев-Белый

18+

Денис Белевцев-Белый

Палач Империи

Варяжский гость Книга 1

«Автор»

2026

Белевцев-Белый Д.

Палач Империи Варяжский гость Книга 1 / Д. Белевцев-Белый —
«Автор», 2026

Умереть в 1914-м от бомбы. Очнуться в 988-м в теле убитого княжича. Получить систему «Контур», где карма растёт за прагматизм, а не за доброту. Василий Голицын, прозванный Палачом, должен выжить и отомстить. Но древний бог Чернобог уже открывает порталы по всей Руси, выпуская тварей, питающихся страхом. Единственная союзница — ведьма, которую главный герой сначала берёт в плен, а потом не может отпустить. Здесь не спасают всех — только полезных. Не молятся — переписывают реальность через кровь, соль и железо. «Палач Империи»: системный апокалипсис на пороге языческой Руси, детектив без тупого «нагибатора» и любовь, выкованная в огне нескольких книг. Если искали смесь «Ведьмака» и попаданца с холодной головой — заходите. Не жалуйтесь на серую мораль. Палач — не профессия. Образ мыслей.

© Белевцев-Белый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний бал Империи	5
Глава 1. Мясо для системы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Палач Империи Варяжский гость Книга 1

Пролог. Последний бал Империи

Санкт-Петербург, Зимний дворец. Январь 1914 года.

Температура за тройными оконными рамами — минус восемнадцать по Реомюру, что равнялось минус двадцати двум с половиной по Цельсию. Внутри — плюс двадцать три.

Разница в сорок пять градусов создавала давление на стёкла, от которого они мелко вибрировали с частотой, не слышимой человеческому уху, но ощущаемой подушечками пальцев. Голицын приложил руку к оконной раме. Почувствовал дрожь. Подумал: «Как перед расстрелом. Когда целишься в затылок приговорённому и ждёшь команды Пли. И палец на спусковом крючке дрожит. Так же».

Сегодня он не будет ни в кого целиться. Сегодня он будет стоять и смотреть. Потому что империя сама нажмёт на спуск — руками женщины в траурном платье, часового механизма «Павел Буре» и двенадцати фунтов тротила.

Пахло воском, апельсинами, потом двух тысяч аристократов и затаённой тревогой. Этот последний запах — смесь адреналина, йода с рук, вымытых перед балами, и того особенного железистого духа, который выделяется из пор человека, знающего, что сегодня может умереть, — Голицын выучил ещё в Мукдене. Там пахло так же. Перед атакой. Перед тем, как китайские стрелки в чёрных стёганных куртках поднимались из рисовых чеков, похожие на тени, выполняющих из грязи, и начинали косить русские полки из маузеров. Воздух тогда наполнялся запахом кордита, рвоты, горелой плоти и того особенного медного привкуса, который остаётся во рту после того, как увидишь, как человеку отрывает голову осколком.

Сегодня пахло так же. Но сильнее. Гораздо сильнее. Потому что сегодня умирать будут не китайцы и не русские солдаты. Сегодня умирать будет империя. А он будет стоять в стороне и смотреть, как она задыхается в собственной крови, как бьётся в конвульсиях, как пускает последние пузыри — и затихает.

Василий Голицын поправил аксельбант левой рукой и почувствовал, как золотое шитьё кольнуло шею. Форма флигель-адъютанта свиты Его Императорского Величества сидела на нём как влитая — тридцать лет, рост сто восемьдесят семь, плечи шириной с дверной проём, талия узкая от ежедневных спаррингов с инструктором по французскому боксу савате. Он начал заниматься в семнадцать, в Пажеском корпусе, и за тринадцать лет довёл тело до состояния идеального оружия. Кулаки били быстрее, чем соображал противник. Ноги двигались в танце, который заканчивался переломом челюсти с влажным хрустом, похожим на треск сухой ветки. Спина оставалась прямой, даже когда все кости болели после допросов в охранном отделении, когда воздух в камерах пах железом, потом и мочой от страха.

Лицо — с лёгкой азиатчиной от бабки-калмычки: скулы высокие, острые, как ножи, разрез глаз чуть раскосый, но цвет серый, холодный, как свинец, с прищуром человека, который привык смотреть на смерть как на статистику. Он не любил балы. Любил информацию. В его мире информация стоила дороже крови. А сегодня у него была информация, которая стоила жизни тысячам людей. И он молчал.

Не потому, что боялся. Не потому, что его шантажировали. Не потому, что он был агентом врага.

А потому, что сам этого хотел.

Голицын не был революционером. Не был эсером, не был большевиком, не был анархистом. Он был князем, флигель-адъютантом, офицером Отдельного корпуса жандармов, человеком, который присягал на верность Императору и сам принимал присягу от других. Если бы кто-то назвал его предателем, он бы усмехнулся в ответ.

Потому что предательство — это когда переходишь на сторону врага. А он не переходил. Он просто смотрел, как враг внутри империи пожирает её изнутри, и решил: «Лучше сжечь дом, чем жить в нём с гнилью».

Он видел Николая Второго четырнадцать лет. Видел на балах, на приёмах, на военных советах, в интимной обстановке царскосельского двора, когда министры докладывали Государю о положении дел. И каждый раз, глядя на этого человека — невысокого, с бледным лицом и близорукими глазами, с тихим голосом и мягкими манерами, — Голицын чувствовал тошноту.

Не физическую. Моральную.

Потому что Николай Второй был слаб. Слаб, как ребёнок. Слаб, как женщина. Слаб, как тряпка.

Вот что Голицын видел своими глазами за годы службы:

Ходынка, 1896 год. Он тогда только поступил в Пажеский корпус, но ему рассказывали. Тысяча триста человек погибли в давке на коронационных торжествах — раздавленные, растоптанные, задушенные в толпе, которая рвалась к бесплатным подаркам: кружке с вензелями, прянику, горсти орехов. Тысяча триста трупов. И что сделал император? Поехал на бал в тот же вечер. Поехал, зная, что его народ лежит мёртвым на поле. Поехал, потому что не мог отказать французскому послу. «Дурацкая история», — сказал он про тысячу триста погибших. «Дурацкая история». Голицын запомнил эти слова. И никогда не простил.

Кровавое воскресенье, 1905 год. Он был уже офицером, служил в Преображенском полку, когда рабочие пошли к Зимнему дворцу с петицией — не бунтовать, не свергать, просто попросить хлеба и справедливости. Их расстреляли. Сто сорок убитых, четыреста раненых. И что сделал император? Назвал это «дурацкой историей». Снова. Те же слова. Голицын стоял в строю, когда войска стреляли в безоружных людей, и смотрел на женщин, падающих на снег с пулями в животах, на детей, которые держались за юбки мёртвых матерей. И думал: «За кого я служу? За этого человека? За этого труса?»

Цусима, 1905 год. Русский флот уничтожен. Тридцать восемь кораблей на дне. Восемь тысяч матросов убитыми. Император подписал позорный мир с японцами, отдав половину Сахалина и не добившись ничего. Голицын тогда был на Дальнем Востоке, лежал в госпитале с контузией, смотрел в потолок и считал, сколько ещё раз император провалит Россию.

Распутин. Это было последней каплей. Гришка Распутин — мужик из Тобольской губернии, вор, блудник, пьяница, шарлатан, — сидел рядом с царской семьёй, влиял на назначение министров, на внешнюю политику, на церковные дела. Императрица верила в его «святую силу» — у наследника Алексея была гемофилия, и Распутин действительно мог остановить кровотечение гипнозом. А император? Молчал. Смотрел, как его жена и его страна продаются мужику с грязными руками. И молчал.

Голицын не мог молчать. Но он был офицером, а офицеры не бунтуют. Они выполняют приказы.

Но если приказы ведут империю к гибели? Если император — не спаситель, а могильщик? Если его смерть может спасти миллионы?

Голицын ответил себе на этот вопрос в 1912 году, сидя в своём кабинете в Адмиралтействе, перебирая досье членов боевых организаций. «Если царь умрёт — начнётся хаос. Но хаос — это перезагрузка. Россия сторит дотла. А из пепла восстанет новая империя. Железная. Без слабаков на троне. Без Распутиных. Без истеричных императриц. Империя, которую построят такие, как я».

С тех пор он ждал своего часа.

И час настал.

Зал сиял. Тысяча двести свечей в трёх люстрах отражались в венецианских зеркалах — подарок дожа, выпущенный в 1716 году, каждое зеркало толщиной в полтора миллиметра, с

ртутной амальгамой на обратной стороне, твёрдое, как кремь, и острое, как бритва, если разбить. Голицын видел бесконечные коридоры отражений — себя, капитана Блюменталья с его подрагивающим левым глазом, фрейлин в бриллиантах, великих князей с орденами, послов в расшитых мундирах, мальчиков-камер-пажей в голубых мундирах с серебряными пуговицами. Оркестр под управлением придворного капельмейстера играл Шопена, ноктюрн двадцатый, до-диез минор, и эта музыка казалась Голицыну похоронным маршем — тягучая, скорбная, с низкими нотами, которые вибрировали в полу, поднимались через подошвы сапог в колени, в позвоночник, в затылок, заставляя зубы ныть от резонанса.

Он знал, что сегодня будет играть на похоронах. Он сам выбрал эту музыку. Не словами — молчанием.

Он стоял у третьей колонны от императорской ложи, прислонившись спиной к мрамору — холодному, гладкому, с прожилками, похожими на вены, — и делал вид, что рассматривает люстру. На самом деле считал людей в чёрном. Их было семеро.

Трое официантов в белых перчатках. У двоих не хватало нужных пуговиц на ливреях — мелкая деталь, которую заметил бы только профессионал. На левой манжете положено три пуговицы, а у этих — две. И пришиты не той ниткой: казённые ливреи прошивают суровой нитью, грубой, жёлтой, с узелками через каждые три стежка. А у этих — белая, тонкая, шёлковая, какую используют в ателье на Невском. Сапоги не того фасона — у придворных лакеев голенище уже, каблук ниже, носок острее, чтобы входить в дверь без стука. У этих — армейские яловые сапоги с широким голенищем, такие носят в пехоте, потому что они не жмут, когда бежишь. У третьего пальцы были сложены как у ножевого бойца из Одессы: большой палец поверх указательного, слегка согнутый, чтобы лезвие не скользило в ладони и чтобы в любой момент можно было перехватить рукоять — хоть ножа, хоть финки, хоть заточенной ложки. Официантам не нужен такой хват. Официанты не сжимают подносы так, будто это рукоять финки, побелевшими костяшками, с жилами, вздувшимися на тыльной стороне ладони, как натянутые струны.

Два гвардейца у бокового входа. Не из лейб-гвардии Павловского полка — ниже ростом на полголовы, шире в кости, приёмистей, с более длинными руками, чем нужно для пропорций, и шеями, толщиной с бревно. Держат винтовки с другой смазкой. Павловцы используют ружейное сало — густое, жёлтое, с запахом овчины, который въедается в кожу намертво. А эти — оружейное масло из армейских складов, прозрачное, жидкое, с резким химическим запахом, похожим на керосин. Разницу видно по блеску затвора: ружейное сало даёт матовый, маслянистый блеск, оружейное масло — яркий, стеклянный.

Один священник в чёрной рясе с золотым крестом на груди. Крест настоящий, византийской работы, серебро с чернью, инкрустирован гранатами — такого не дают простым монахам. Такой крест стоит тысячу рублей, а годовой доход сельского прихода — пятьдесят. Слишком чистая тонзура: у настоящего монаха выбритое место на макушке зарастает за три дня, и там всегда видна щетина, твёрдая, колючая. У этого — гладкая, лоснящаяся кожа, как у младенца. Слишком внимательный взгляд: бегающие зрачки, сужающиеся при фокусировке на цели. Слишком молод для сана — лет двадцать пять, а уже игумен? Не бывает. Только если он не агент. Или не убийца. Или и то, и другое сразу.

Одна женщина в траурном платье, которую никто не приглашал. Она появилась в восьмом часу, когда только начали разносить шампанское, и прошла через центральный вход, не предъявив приглашения, и никто её не остановил, потому что на лице у неё было такое выражение, которое останавливает само — смесь горя и стали, и с ней никто не хотел связываться. Она выпила три рюмки водки залпом — не морщась, как заправский солдат после марш-броска — и с тех пор не двигалась, только крутила обручальное кольцо на безымянном пальце. Которого у неё не было. Ампутация давняя, лет десять, культя затянута гладким розовым рубцом,

но кость внутри осталась, тонкая, как спица, и кольцо сидело на ней как влитое, поблёскивая золотом в свете свечей.

Голицын знал этот трюк: женщина-террористка с ампутированным пальцем не привлекает внимания обыска — кто станет снимать кольцо с того, чего нет?

Она была не одна. В её сумочке — чёрной, крокодиловой, с потайным отделением — лежали два сухих гальванических элемента «Тюдор», соединённых последовательно, и медная кнопка с бакелитовой рукояткой. Провод от батареи уходил в вентиляционную решётку у плинтуса, тянулся под полом, через технический туннель, и выходил в подвале, у поленницы с дровами, где был спрятан электродетонатор. Резервный. На случай, если часовой механизм откажет.

Потому что основным был не он.

— Ваше сиятельство, — капитан Отдельного корпуса жандармов Блюменталь подошёл с бокалом шампанского так близко, что Голицын почувствовал запах одеколона «Рига» — дешёвого, казённого, с нотками можжевельника и дёгтя, которым пахли все жандармы от Варшавы до Иркутска. Пальцы Блюменталья в белых перчатках дрожали так сильно, что шампанское плескалось о края бокала. Левый глаз дёргался — нервный тик, который появлялся у него перед каждым крупным провалом.

— В кулуарах шепчут, — заговорил капитан, понижая голос до шёпота. — Эсеры заложили адскую машину. Где-то здесь. Агент Фельдман сообщил — бомбу пронесли в буфетной. Мои люди обыскали — ничего не нашли. Но чутьё подсказывает — сегодня. Ставка — на их визит к Государю. Через час вынос императорского штандарта. Полтора шага по Малой Анфиладе. Идеальная дистанция для взрыва — тротилевые шашки, дистанционный подрыв или часовой механизм. Наши сапёры говорят — двенадцать фунтов хватит, чтобы обрушить потолок в радиусе пятнадцати саженей.

Голицын не изменил лица. Взял бокал, отпил маленький глоток, почувствовал кисловатый привкус «Вдовы Клико» с нотками зелёного яблока и бриоши, сделал вид, что поперхнулся, и наклонился к уху капитана так близко, что услышал, как бьётся его сердце — слишком быстро, сто сорок ударов в минуту.

— Место? Не буфетная. Буфетная — отвлекающий манёвр. Смотри на четвёртую колонну от входа. Под ней — технический проход в подвал. Там хранят дрова для каминов. Берёзовые, сухие, уложенные в поленницу — полено к полону, чурбак к чурбаку, с вентиляционным зазором в полвершка. Бомба в дровах. Завёрнута в мешковину, пропитанную парафином — чтобы не отсырела и не пахла, чтобы собаки не взяли след. Я видел её вчера, когда проверял подвалы. Тротил, около двенадцати фунтов. Запах — миндаль. Горький, приторный, сладковатый.

— Но если бомба в подвале, как они её подорвут? — спросил Блюменталь, и в его голосе прозвучала надежда — может быть, он ошибся, может быть, ничего не случится, может быть, они успеют.

— Два способа, — ответил Голицын спокойно, почти лениво, как будто объяснял студенту устройство паровоза. — Основной — часовой механизм. Часы «Павел Буре», инерционные, с боем. Заведены на четверть двенадцатого. Механизм соединён с капсюлем-детонатором через ударный штифт. В двенадцать тридцать штифт бьёт по капсюлю — и тротил превращается в ад. Резервный — дистанционный подрыв. От бомбы протянут провод в зал. На конце провода — гальваническая батарея и кнопка. У женщины в сумочке. Если часы откажут — она нажмёт сама.

Блюменталь побледнел так сильно, что его лицо слилось с белым кителем — стало одного цвета с сукном, серовато-белого, с синевой под глазами и серыми губами, как у покойника.

— Ваше сиятельство, это измена. Прямая измена Его Императорскому Величеству. Государь через час выйдет к этим дровам. Мы обязаны...

— Вы, Блюменталь, солдат, — перебил Голицын. Голос его стал тихим, как шёпот в исповедальне, но в этом шёпоте звучал металл. — Солдаты исполняют приказы. Мой приказ — отойти. Скажи своим — сегодня ничего не случится. Иначе я лично позабочусь, чтобы тебя отправили в Иркутск, в самый дальний околоток. Иди. Пей шампанское. Улыбайся. Сделай вид, что ты не знаешь. Сделай вид, что ты в восторге от бала. Потому что если ты хоть слово скажешь — ты умрёшь не сегодня, но завтра. И не от бомбы. От пули в затылок. Моей пули.

Блюменталь сжал зубы так, что желваки заходили ходуном, щёлкнул каблуками, отдал честь и ушёл, растворившись в толпе. Голицын видел, как его широкая спина мелькнула между фрейлин и исчезла у выхода в буфетную.

«Правильно, — подумал Голицын. — Иди. Там безопаснее. Ты умрёшь не сегодня. А перед смертью вспомнишь меня. Вспомнишь этот разговор. И поймёшь — я был прав. Империя должна сгореть».

Он остался у колонны. Закрыв глаза на мгновение — длинное, глубокое, как последний вздох перед выстрелом, — и подумал о том, что привело его сюда.

В 1905 году, после Кровавого воскресенья, он чуть не ушёл из армии. Хотел подать рапорт, уехать в имение, забыть о царе, о Петербурге, о службе. Но не ушёл. Потому что понял: уйти — значит сдать. А он не сдаётся. Он будет ждать. Ждать момента, когда сможет что-то изменить.

В 1912 году он познакомился с агентом эсеров — человеком, который передавал ему информацию о готовящихся покушениях. Голицын не выдал его. Не потому, что сочувствовал. А потому, что понял: эти люди делают то, что должен был бы делать он сам — но не может, потому что присягал. Они расчищают место для нового. Для империи без царя.

Сегодня настал этот момент.

Он открыл глаза и досчитал до ста.

Восемьдесят три — фрейлина в изумрудном платье с глубоким декольте свалила бокал с шампанским на платье соседки — той самой, в розовом, с дурацкими страусовыми перьями в причёске. Шампанское растеклось по шёлку тёмным пятном, похожим на кровь. Фрейлина в розовом завизжала, но визг утонул в музыке.

Девяносто один — великий князь Николай Николаевич, рослый, грузный, с красным от кутежа лицом и запахом перегара, перешёл на немецкий мат, требуя от официанта новый бокал.

Девяносто восемь — заиграли фанфары, объявляя выход императора. Медные трубы взревели, перекрывая гул голосов, заставляя стены дрожать в такт нотам.

Ровно в половине двенадцатого Государь Николай Александрович вышел из боковой двери в сопровождении министра императорского двора графа Фредерикса. Царь был в мундире лейб-гвардии Преображенского полка — тёмно-зелёном, почти чёрном, с серебряным шитьём на воротнике и обшлагах, с эполетами, расшитыми золотом, — и выглядел усталым как никогда. Под глазами — синие круги, глубокие, как впадины. Губы сжаты в тонкую линию, почти исчезнувшую между носом и подбородком. Взгляд отсутствующий, блуждающий, как у человека, который смотрит сквозь толпу, сквозь стены, сквозь время — в пустоту.

Он шёл, глядя на пол, на паркет, на свои ноги, как будто боялся споткнуться. Как будто уже знал, что через минуту упадёт и больше не встанет. Как будто уже видел свою смерть и смирился с ней.

Голицын смотрел на него и думал: «Четырнадцать лет на троне. Четырнадцать лет ошибок. Ходынка — тысяча триста трупов, и он поехал на бал, когда их ещё не убрали. Кровавое воскресенье — сто сорок убитых, и он назвал это дурацкой историей. Порт-Артур — сдал крепость, когда можно было держаться ещё месяц. Цусима — тридцать восемь кораблей на дно, восемь тысяч матросов убитыми. Распутин. И каждый раз он выживал. Каждый раз находил оправдание. Каждый раз убегал от ответственности. Сегодня — не выживет. Сегодня

ответственность догонит его. Сегодня она примет форму двенадцати фунтов тротила, часового механизма и женщины с обрубком пальца».

Уголком глаза он заметил, как женщина в траурном платье остановила кружение кольца. Кольцо замерло на тонкой кости обрубка. Она перестала дышать. Грудная клетка замерла, не поднимаясь, не опускаясь. Только зрачки расширились — стали чёрными, как угли, заняли всю радужку.

Её правая рука опустилась в сумочку. Пальцы нащупали бакелитовую рукоятку кнопки. Но она не нажала. Ждала. Слушала — хотя в зале было шумно, хотя сердце колотилось как бешеное. Ждала щелчка.

В подвале, в поленнице с берёзовыми дровами, часы «Павел Буре» отсчитывали последние секунды. Секундная стрелка ползла к двенадцати. Минутная уже замерла на цифре «двенадцать с половиной». Часовой механизм, заведённый на тридцать шесть часов, тикал с механической точностью — 18 000 ударов в час, 300 в минуту, 5 в секунду. Каждый удар приближал смерть.

Когда минутная стрелка коснулась цифры «шесть», часовой механизм замкнул контакт. Ударный штифт — стальной, закалённый, с бойком на конце — сорвался с пружины и ударил по капсюлю-детонатору.

В подвале раздался сухой щелчок — капсюль сработал, воспламенив детонатор. Детонатор — цилиндр из красной меди, наполненный тетрилом, — вспыхнул, передав огонь двенадцати фунтам тротила.

Грохнуло.

Сначала Голицын почувствовал спиной волну — горячую, плотную, как удар доской плашмя на скачках, когда лошадь бьёт копытом в грудь, сшибая дыхание и выбивая рёбра из суставов. Воздух, сжатый взрывом до плотности воды — в двенадцать раз плотнее обычного, как в глубине океана на глубине ста метров, — ударил в позвоночник, сломал рёбра, выбил лёгкие из ритма. И вместе с волной пришёл запах — тот самый, миндальный, горьковато-сладкий, приторный, как дешёвый ликёр. Тротил. Двенадцать фунтов тротила.

Потом пришёл звук. Не хлопок. Не грохот. Всемирный треск, будто небо разорвали пополам от Финского залива до Чёрного моря. Звук был плотным, материальным — Голицын физически ощутил, как он вдавливают его в пол, расплющивают внутренности, выворачивают органы наизнанку. Что-то тёплое потекло из ушей — кровь, смешанная с лимфой, жёлтая, прозрачная, густая, — и вместе с ней пришёл запах кордита.

Потом его швырнуло в зеркало.

Спина хрустнула — три позвонка треснули, но не сломались. Трещины. Волосяные. Болезненные, но не смертельные. Правое плечо ударилось о раму — хрустнул сустав, выскочил из чашки с противным чваканьем, как пробка из бутылки шампанского. Рука повисла плетью. Голицын стиснул зубы — челюсти свело судорогой, желваки заходили ходуном, — и не закричал.

Он падал, и в падении успел развернуться — подставил спину, а не лицо, прикрыл голову руками, сжался в комок. Осколки зеркала впились в спину, в плечи, в поясницу, в ноги — но не в лицо, не в живот, не в ключицу. Он рассчитал. Он готовился. Он знал, как упасть.

Он упал на паркет, в лужу чужой крови, и сквозь звон в ушах услышал, как рушится потолок.

Он поднял голову — насколько мог при треснувших позвонках — и увидел ад.

Зал, который минуту назад сиял огнями тысяч свечей и сверкал венецианскими зеркалами, превратился в бойню.

Потолок рушился. Тяжёлая лепнина — ангелы, херувимы, гирлянды из цветов и фруктов — падала крупными хлопьями, похожими на засохшие сливки. За ней — перекрытия, дубовые балки толщиной с руку, лопнувшие, как спички. За балками — штукатурка, серая, с волосяной

сеткой внутри, которая трещала и рвалась, как ткань. За штукатуркой — кирпичная кладка, красный кирпич, пыльный, с белыми разводами соли, падающий целыми блоками, поднимающий тучи ржаво-красной пыли. Запах извести — меловой, с ноткой тухлого яйца — смешивался с запахом крови, и этот коктейль ударил в нос, заставляя желудок сжиматься.

Голицын увидел, как люди кричат без звука — разинутые рты, бешеные глаза, брызги слюны, смешанной с кровью. Он не слышал их, потому что барабанные перепонки лопнули. Но он видел. Видел каждую деталь.

Вот полковник в парадном мундире — три ордена на груди, эполеты с бахромой, — ползёт по паркету на четвереньках, оставляя за собой красный след, похожий на ковровую дорожку. Кишки его вывалились из разорванного живота — толстые, сизые, пульсирующие в такт сердцу, влажные, блестящие, покрытые слизью и кровью. Они волочатся по полу, как толстые черви, оставляя за собой мокрую дорожку, в которой отражаются свечи. Он пытается запихнуть их обратно скрюченными пальцами — хватает, сжимает, заталкивает в разорванную брюшину, — но они скользят, как живые змеи, выскальзывают из рук и снова вываливаются наружу, ударяясь о пол с мокрым шлепком. Паркет под ним становится чёрным от крови — не красным, а чёрным, потому что крови так много, что она не успевает впитываться и застывает лужами глубиной в палец.

Вот фрейлина в бриллиантовом колье — три нитки, каждая в три ряда, камни по десять каратов — пытается подняться на ноги, опираясь на левую руку. Правой руки у неё нет выше локтя. Плечо разорвано в клочья — мышцы висят лоскутами, из обрубка торчат обломки плечевой кости, белые, с острыми краями, и из раны бьёт фонтан ярко-алой артериальной крови — высокий, сильный, пульсирующий, с каждым ударом сердца выбрасывающий на пол полстакана тёплой жидкости. Кровь разлетается брызгами, падает на её собственное лицо, на платье, на пол. Она смотрит на всё это с недоумением — на фонтан, на обрубок, — делает шаг, поскользывается в луже собственной крови, падает лицом вниз и больше не двигается. Бриллиантовое кольцо рассыпается при падении — камни раскатываются по полу, закатываются под трупы, под обломки, под ноги умирающих.

Вот старик в ордене Андрея Первозванного — голубая лента через плечо, звезда на груди — стоит на коленях среди обломков битой посуды и осколков хрусталя, в луже красного вина, смешанного с кровью. Из его ушей течёт кровь — чёрная, густая, как дёготь, — и он молится. Губы шевелятся быстро, беззвучно, но Голицын читает по ним: «Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...» Руки сложены на груди, пальцы дрожат, на каждом пальце — перстни с рубинами, теперь окровавленные и чёрные.

Вот мальчик-камер-паж в голубом мундире с серебряными пуговицами, с треугольной шляпой, которая слетела с головы, — четырнадцать лет, кудрявый блондин с ангельским лицом, покрытым веснушками, — сидит, привалившись к колонне, и смотрит на свои ноги. Обеих нет. От коленей — рваные культы, из которых торчат обломки берцовых костей, белые, как сахар, с острыми краями, режущими воздух при каждом движении. Кровь течёт сначала быстро — толчками, в такт сердцу, — потом медленнее, потому что сердце мальчика уже не может качать кровь с прежней силой. Он сидит неподвижно, глядя на то, что осталось от его ног, и его глаза сухие, потому что шок сильнее боли. В них нет страха — только недоумение, как у ребёнка, который не может решить задачку: «Если отнять две ноги, сколько останется?»

Вот женщина в траурном платье — та самая, с кольцом на обрубке — стоит посреди зала, целая и невредимая. Она улыбается. От уха до уха. У неё во рту блестит стальная проволока — детонатор, который она зажала зубами в последний момент, на всякий случай, если часы не сработают. Но часы сработали. Проволока не понадобилась. Она улыбается, и в её улыбке — торжество, безумие и смерть.

Голицын посмотрел в сторону императорской ложи.

Николай Второй лежал на паркете в десяти шагах. Осколок чугунной вентиляционной решётки — тяжёлый, ржавый, с острыми краями — срезал ему голову выше кадыка, ровно, почти хирургически, на уровне второго шейного позвонка. Голова откатилась на три шага и замерла лицом вверх, глядя в рушащийся потолок пустыми глазами. Из обрубка шеи всё ещё текла кровь — чёрная, густая, как дёготь, медленно, потому что сердце остановилось минуту назад и теперь кровь вытекала только под действием силы тяжести.

Рядом с телом императора лежал граф Фредерик, министр императорского двора. У него не было лица — осколок зеркала снёс кожу, мышцы, нос, губы, оставив только череп с двумя глазами, которые смотрели в разные стороны и моргали. Он был жив. Он пытался кричать, но без губ и щёк крик получался влажным, булькающим, похожим на хрип умирающей собаки.

Голицын смотрел на это и не чувствовал ничего.

Ни жалости. Ни вины. Ни сожаления.

Только холодную, математическую ясность.

«Царь мёртв, — подумал он. — Империя рухнет. Начнётся хаос. Кровь. Гражданская война. Распад. А потом — порядок. Мой порядок. Порядок, который я построю на обломках. Не для людей — для империи. Не для живых — для идеи. Не для счастья — для выживания».

Он попытался встать — и смог. Потому что позвоночник был не сломан, а только треснут. Потому что рёбра были сломаны, но не пробили лёгкие. Потому что подключичная артерия была цела — осколки впились в спину, в плечи, в ноги, но не в шею, не в ключицу, не в живот. Потому что он рассчитал всё правильно.

Он встал на четвереньки, потом на колени, потом на ноги. Левая рука висела плетью — вывихнутое плечо болело адски, но он зафиксировал его ремнём от португези, прижав к туловищу. Правая рука работала — он вытащил наган из кобуры, проверил барабан. Все шесть патронов на месте.

Он стоял посреди ада, с вывихнутой рукой, треснутыми позвонками, сломанными рёбрами, лопнувшими барабанными перепонками, с кровью, текущей из ушей и носа, — но он стоял.

«Жив, — подумал он. — Жив. Империя умерла. А я жив. Я построю новую. Из крови, из пепла, из обломков. Я построю её сам».

Он повернулся и пошёл к выходу. Сквозь дым, сквозь кровь, сквозь трупы. Шаг. Ещё шаг. Ещё. Ноги слушались плохо — треснутые позвонки давали о себе знать, каждое движение отдавалось болью в спине, в пояснице, в ногах. Но он шёл.

Он почти дошёл до двери, когда над ним что-то заскрипело.

Голицын поднял голову.

Потолок рушился. Огромный кусок лепнины с ангелом — тот самый ангел, который час назад трубил в золотую трубу над императорской ложей, выдувая щёки, надувая жилы на шее, — оторвался от перекрытия и летел прямо на него. Ангел улыбался. Беззубым гипсовым ртом, с трещиной на щеке, с отбитым носом, с выщербленным правым крылом. В трубе его не было — только чёрная дыра, похожая на второй рот.

Голицын успел подумать: «Не туда. Я должен был стоять не здесь. Я рассчитал траекторию осколков, но не рассчитал падение лепнины. Просчитался».

Он попытался отскочить — но ноги не слушались. Треснутые позвонки заклинило, спина онемела, и он просто стоял и смотрел, как ангел падает на него.

«Я просчитался, — повторил он про себя, и в этой мысли не было страха — только досада, злость, разочарование. — Я должен был быть жив. Я всё рассчитал. Всё, кроме ангела. Проклятый ангел».

Ангел упал.

Гипсовая туша весом в два пуда ударила Голицына в грудь, сломав оставшиеся рёбра, раздавив грудную клетку, превратив лёгкие в кровавое месиво. Он упал навзничь, ударившись

затылком о паркет, и сквозь мутнеющее сознание увидел, как ангел смотрит на него пустыми глазами и улыбается беззубым ртом.

Кровь хлынула изо рта, из носа, из ушей. Он чувствовал, как она заполняет лёгкие — тёплая, солёная, с привкусом железа, — и понимал, что это конец.

«Просчитался, — подумал он в последний раз. — Просчитался. Смерть от ангела. Иронично. Очень иронично».

И тогда — когда сознание начало меркнуть, когда пульс упал до нуля, когда в ушах зазвела космическая тишина — заговорила Система.

СИСТЕМА КОНТУР АКТИВИРОВАНА

Обнаружен терминальный урон носителя. Сканирование...

Сердечный ритм — 0 ударов в минуту. Клиническая смерть. Множественные переломы рёбер (10 штук). Разрыв лёгких. Внутреннее кровотечение. Трещины позвонков L2, L3, L4. Вывих правого плеча. Множественные рваные раны спины, плеч, ног. Разрыв барабанных перепонок. Контузия головного мозга средней степени.

Продолжительность жизни до биологической смерти — 47 секунд.

Шанс выживания в текущей реальности — 0,00%.

Инициирован протокол «Резервная копия» версии 3.7. Поиск временной точки для реинкарнации...

Ошибка 988. Код мироздания повреждён. Временная линия 1914–1991 нестабильна. Обнаружено 37 критических разрывов.

Поиск ближайшей стабильной итерации...

Точка найдена: Земли Кривичей, 988 год от Рождества Христова. Весна. Погрешность — три года.

Загрузка сознания в доступный биологический носитель...

Носитель найден: Всеслав, сын Брячеслава, семнадцать лет. Род «Чёрные Вороны». Статус — критический: рубленая рана печени (глубина 4 см), потеря крови, начинающийся сепсис. Носитель умирает.

ВНИМАНИЕ: Носитель несовместим по генетической матрице на 94%. Прогноз выживаемости после переноса — 12%.

Перенос ядра личности... 7%... 34%... 67%... 89%... 97%...

Готово.

Системные строки мерцали зелёным — цветом прицела, цветом гнилой плоти. Голицын видел их сквозь темноту — холодную, глубокую, бесконечную. Видел и понимал, что это не галлюцинация. Не бред умирающего мозга. Это реально.

«Контур? — подумал он. — 988 год? Всеслав? Чёрные Вороны? Что за чушь? Я должен был быть жив. Я всё рассчитал. Часы сработали, женщина не понадобилась. Император мёртв. Империя рухнет. Всё идёт по плану. Всё, кроме ангела. Проклятый ангел. Кто бы мог подумать, что меня убьёт ангел. Гипсовый. С дурацкой трубой».

А потом — в последней вспышке угасающего сознания — он увидел алтарь. Бесконечное белое пространство. И тень, которая ждала.

Тень заговорила. Голосом, похожим на скрежет камня о стекло:

— Ты просчитался, князь. Ты думал, что контролируешь всё. Ты думал, что смерть — это инструмент. Но смерть не инструмент. Смерть — это дверь. И ты в неё вошёл. Добро пожаловать в Контур. Твоя смерть была только началом.

А потом — ничего.

Ни звуков. Ни запахов. Ни боли. Ни страха.

Только переход.

Только перенос.

Только палач, который не рассчитал падение ангела, но получил второй шанс.

Глава 1. Мясо для системы

Берег реки Ловати, в тридцати верстах от города Холм. Земли Кривичей. 988 год, начало апреля.

Ледоход только сошёл — это было слышно даже сквозь шум в ушах: тяжёлые льдины с глухим стуком бились друг о друга, крошились, уходили в чёрную воду. Река несла грязную шугу — белые хлопья пенящегося льда, перемешанного с песком и мусором, — и коряги. Огромные, вывороченные с корнем стволы сосен и берёз, которые где-то там, в верховьях, подмыло водой, и теперь они плыли вниз по течению, цепляясь ветками за прибрежные кусты, выворачивая дёрн.

Земля была чёрная, скользкая, напитавшаяся за зиму водой, с прошлогодней травой, примятой снегом и теперь оттаявшей, превратившейся в тонкий слой преющей органики. Она пахла гнилой листвой — сладковато-кислый запах разложения, который Голицын знал по окопам Русско-японской, только там к этому запаху примешивался кордит и карболка. Пахло пресной водой — речной, с оттенком тины и рыбы. И железом. Кровь — чужая и своя, пропитавшая глину на несколько вершков в глубину, смешавшаяся с талой водой, сделавшая землю липкой и тёплой на ощупь, как мясо.

Температура воздуха — плюс три по Цельсию. Голицын лежал лицом в грязи. Босой. Сапоги сняли разбойники, пока он был без сознания, — ноги мокрые, грязные, пальцы сведены холодом, на подошвах ссадины от корней и камней.

Первый вздох был похож на удар ножом в грудь. Лёгкие наполнились не воздухом — жидкой грязью, холодной, склизкой, с привкусом торфа и чьей-то крови. Горло свело судорогой — рвотный рефлекс, древний, животный, который не может подавить никакая воля, — и он закашлялся так, что позвоночник хрустнул, выплёвывая комки тины с мелкими камешками, с обрывками прошлогодней листвы, с мелкими белыми червячками, которые извивались у него на губах.

Левая рука рефлексорно схватилась за бок — туда, где под рёбрами пульсировала тупая, разрывающая боль. Пальцы нащупали мокрую ткань, прилипшую к телу, и под ней — глубокую рану, из которой сочились что-то тёплое и липкое. Кровь. Много крови.

Голицын перевернулся на спину — каждое движение давалось через боль, мышцы не слушались, левый бок горел огнём, — и открыл глаза.

Над ним — серое небо, низкое, будто набрякшее свинцом, такое тяжёлое, что кажется: ещё чуть-чуть, и оно рухнет на землю, расплющит всё, размажет по грязи. Облака не движутся — стоят на месте, плотные, как вата, с просветами, похожими на рваные раны. Ниже — берёзы с кривыми ветками, покрытыми ещё не распустившимися почками — маленькими, сморщенными, похожими на засохшие бородавки. Кора белая, с чёрными трещинами, отслаивается лентами. Ещё ниже — чьё-то лицо.

СИСТЕМА КОНТУР АКТИВИРОВАНА

Идентификация завершена. Носитель: Всеслав, сын Брючеслава, из рода «Чёрные Вороны». Возраст — семнадцать лет. Статус — последний выживший.

Физическое состояние: критическое. Здоровье — 37/100. Рубленая рана печени (глубина ~4 см, риск внутреннего кровотечения, начинающийся сепсис). Потеря крови — умеренная. Истощение — тяжёлое. Обморожение стоп — лёгкое.

Задание «Выжить» добавлено в журнал квестов.

— Тридцать семь процентов, — прошептал Голицын, и голос его был хриплым, как у умирающего. — Сепсис. Чёрт.

Он попытался сесть и не смог — боль в боку резанула так, что в глазах потемнело. Пальцы снова вцепились в рану, нащупывая под тканью рваные края, присохшую корку крови.

— Не сдох? — удивился голос сверху.

Над Голицыным стоял мужчина лет тридцати, с рыжей бородой, нечёсаной, свалывшейся, с вплетёнными в неё травинками. Волосы тусклые, с проплешинами. Глаза маленькие, свинные, глубоко посаженные, с красными белками — у пьяницы или человека, который давно не спал. На щеке — старый шрам, белый, выпуклый, от скулы до подбородка, стянувший угол рта вверх.

На рыжем — кожаная безрукавка поверх овчинного полушубка. Шапка с оторванным ухом. Сапоги — и Голицын заметил, что на нём самом сапог нет, только мокрые портянки, разматавшиеся, грязные. Его сапоги — добротные, яловые, с железными подковами — стояли у дерева в двух шагах. Сняли. Пока он был без сознания, стащили.

В руке рыжий держал нож — широкий, с зубуринами на обухе, лезвие покрыто чёрными пятнами. Засапожник.

— А я думал, добивать не придётся, — рыжий ухмыльнулся, обнажив щербатые жёлтые зубы. — Уж больно ты, княжич, живучим оказался. Твоих-то всех побили, а ты всё дышишь. Ну, погоди...

Он навалился сверху. Колено — на грудь Голицыну, тяжелое, жилистое. Вес — килограммов восемьдесят. Рёбра скрипнули, воздух вылетел из лёгких с присвистом. Нож пошёл в горло — широким замахом, по дуге, как топором рубят дрова.

Медленно. Для Голицына — бесконечно медленно.

Он не думал. Он делал то, чему учили в Пажевском корпусе. Правая рука ушла в землю — пальцы рванули горсть мокрой глины. Холодной, липкой, с червями. Рывком — прямо в лицо рыжему.

Глаза — главная цель. Слепи — и ты жив.

Глина шлёпнулась с мокрым чавкающим звуком, размазалась по щекам, по векам, забилась в рот, в нос. Рыжий взвизгнул — по-бабы, пронзительно, — отшатнулся, потерял равновесие. Нож чиркнул по уху Голицына — больно, горячо, как удар раскалённой проволокой. Кровь хлынула на шею. Но не смертельно: только кожа рассечена, хрящ цел.

Рыжий упал навзничь, выпустив нож из руки — лезвие ушло в грязь по рукоять. Он тёр лицо рукавом, отплёвывался, матерился.

Голицын перекатился. Левая рука — на боку, потому что каждый резкий удар отдавался в рану, разрывая что-то внутри, — правая нащарила под боком камень. Гранитный обломок, весом килограмма два, с острым краем. Холодный, шершавый, с мелкими вкраплениями слюды.

Он поднялся на колени. Рыжий всё ещё тёр лицо, не видя ничего вокруг.

Правой рукой Голицын схватил рыжего за ворот кожаной безрукавки — рванул на себя, заставляя наклониться.левой — с размаху опустил камень на затылок.

Хруст.

Громкий, отвратительный, как ломание сырой морковки, только громче и с влажным оттенком — треснула затылочная кость. Камень ушёл вниз глубже, чем должен был, провалился в мягкое, в тёплое. Тёплые брызги на лицо — кровь, тёмная, венозная, смешанная с серым веществом, с мелкими осколками кости.

Рыжий обмяк. Потом подкосились колени. Потом тело стало тяжёлым, мешком повисло на руке Голицына. Выдохнул — долго, с присвистом, с бульканьем, — и упал набок, лицом в грязь.

СИСТЕМА КОНТУР | КАРМА +5

Убийство разбойника (самозащита).

Голицын сел на корточки, тяжело дыша. Левую руку он держал на боку, прижимая к ране, потому что каждый вздох отдавался пульсирующей болью. Кровь проступила сквозь ткань, закапала на землю.

— Остальные, — прошептал он, оглядываясь. — Где остальные?

Рыжий выронил нож, когда упал. Лезвие торчало из грязи в двух шагах, рукоятью вверх — та самая, широкая, с зазубринами, покрытая чёрными пятнами старой крови.

Голицын потянулся к нему — и в этот момент из-за дерева выскочил второй.

Русый, лет двадцати пяти, с редкой бородёнкой, жидкой, как пакля, с длинным лицом и запавшими щеками. Одет бедно — рваный зипун, дырявые порты, лапти. В руках — дубина: берёзовый ствол сантиметров пяти в диаметре, с обмотанным сыромятным ремнём концом для хвата. На дубине — тёмные пятна, запёкшаяся кровь.

Русый не кричал. Он просто рванул вперёд, занося дубину для удара — сбоку, в висок.

Голицын нырнул под удар — не в сторону, а внутрь, сокращая дистанцию. Дубина просвистела над затылком, Голицын кожей почувствовал поток воздуха — холодный, влажный, с запахом сырой коры.

Пальцами выхватил из грязи нож рыжего. Схватил за рукоять — мокрую, скользкую от крови и глины, — и, не вставая с колена, метнул в русака.

Короткое движение — не замах, а хлёсткий бросок кистью, которому его учили в охранном отделении, когда он проходил курс метания ножа. Расстояние — три шага. Промануться невозможно.

Нож вошёл в шею русака — с левой стороны, чуть выше ключицы, туда, где сонная артерия проходит ближе всего к поверхности. Лезвие ушло по рукоять — Голицын услышал влажный чавкающий звук, похожий на то, как нож входит в сырое мясо, и хруст — позвонок? Трахея? Не важно. Главное — попал.

Русый охнул — удивлённо, как будто ему наступили на ногу, — выронил дубину, схватился за шею обеими руками. Кровь хлынула между пальцами — тёмная, пульсирующая, фонтаном, с каждым ударом сердца. Он попытался что-то сказать, но изо рта пошла только кровавая пена. Глаза его расширились, стали круглыми, белки налились кровью. Он сделал шаг — пошатнулся — и рухнул лицом вперёд, в грязь, дёрнулся несколько раз и затих.

Голицын отвернулся, прижимая руку к боку. Боль в ране усилилась — метательный рывок потревожил что-то внутри, и теперь из-под повязки сочилась свежая кровь, алая, смешанная с сукровицей.

СИСТЕМА КОНТУР | КАРМА +5

Убийство разбойника (самозащита). Здоровье — 35/100. Кровопотеря усилилась.

— Тридцать пять, — прохрипел Голицын. — Отлично.

Он услышал шаги за спиной — хруст сухой ветки, шорох мокрой листвы. Третий. Тот, кого он не заметил — лежал в кустах, притворяясь мёртвым, или просто выжидал, или по нужде отходил. Но теперь, когда двое его поделщиков валялись в грязи, третий появился.

Молодой, лет двадцати, чернявый, с длинными спутанными волосами, падающими на глаза. Без шапки, без кольчуги — только рваная рубаха и порты. В руках — копьё. Самодельное: древко из молодой берёзы, наконечник из обломка косы, примотанный сыромятным ремнём. Наконечник ржавый, с зазубринами.

Чернявый не кричал. Он видел, как Голицын убил двоих, и понял, что перед ним не обычный мальчишка. Он взял копьё на изготовку — выставил вперёд, чуть опустив, чтобы колоть снизу вверх, в живот. Медленно пошёл вперёд — скользящим шагом, приставляя ногу к ноге.

Голицын оценил дистанцию. Три метра. Много для ножа (ножа у него не было — он метнул единственный), мало для копья. Нужно сокращать разрыв.

Он отступил на шаг, за ствол сосны. Чернявый двинулся следом, огибая дерево. Копьё всё так же было направлено в живот.

Левую руку Голицын держал на боку — боль стала невыносимой, каждое движение отдавалось в печени острой, режущей вспышкой. Но он знал: если сейчас не убьёт третьего, умрёт сам.

Чернявый сделал выпад — резкий, короткий, без замаха. Наконечник пошёл вперёд.

Голицын не отшатнулся. Он шагнул внутрь — в мёртвую зону. Правая рука перехватила древко у самого наконечника — пальцы сжали берёзовую кору, шершавую, влажную. Левая, оторвавшись от бока, — в лицо чернявому, не удар, а отвлекающий манёвр: растопыренные пальцы, метящие в глаза.

Чернявый моргнул — рефлекторно. Откинул голову назад, ослабляя хват.

Голицын рванул древко на себя, одновременно подсекая ногой правую ногу чернявого — подсечка из самбо, короткая, резкая, с разворотом корпуса. Босиком — ступни скользнули по мокрой земле, но он удержал равновесие, а чернявый полетел вперёд, выпустил копьё.

Теперь они стояли лицом к лицу, без оружия. Чернявый был выше на голову, тяжелее килограммов на пятнадцать. Но Голицын знал приёмы, которых не знал этот лесной разбойник.

Он использовал «скрутку» — приём, которому научился в камере смертников, допрашивая пойманного эсера-борца. Руки легли на голову чернявого — левая на темя, правая под подбородок. Круговое движение — резкое, как поворот ключа в замке.левой рукой толкнуть вниз и назад, правой — вверх и в сторону. Одновременно. Вложить не силу — её у Голицына сейчас не было, тело Всеслава весило пятьдесят пять килограммов, — а технику. Рывок — не мышцами, а суставами, костями, всем корпусом.

Хрустнуло. Тоньше, чем у рыжего, суше, чище — сломался не череп, а шейные позвонки. Второй, третий, четвёртый. Чернявый обмяк мгновенно — без агонии, без конвульсий, просто выключился, как свеча. Тело рухнуло вперёд, уткнувшись лицом в грязь.

Голицын пошатнулся, схватился за бок. Из-под повязки снова пошла кровь — тёмная, почти чёрная. Боль была такой, что перед глазами поплыли чёрные пятна.

СИСТЕМА КОНТУР | КАРМА +5

Убийство разбойника (самозащита). Здоровье — 32/100. ВНИМАНИЕ: риск сепсиса повышен. Начинающееся заражение раны.

— Риск сепсиса, — прочитал Голицын. — Значит, жить буду. Пока.

Он присел на корточки, прижимая руку к боку, и огляделся. Трое убитых. Надо осмотреться.

Голицын поднялся — ноги тряслись, босые ступни скользили по мокрой грязи, — и пошёл осматривать место побоища.

Телеги. Три телеги, разбросанные вдоль дороги. Первая — перевёрнутая, с разбитыми оглоблями. Под ней — тело старика в сером тулупе, с седой бородой, залитой кровью. Вторая — целая, но лошади нет. Одна лошадь лежала в десяти шагах с перерезанным горлом — бандиты отвязали их от повозок, собирались забрать себе, но когда Голицын очнулся и начал убивать, остальные две лошади испугались и убежали. Голицын видел их следы — глубокие, уходящие в лес, в сторону Холма.

Третья телега — самая дальняя, у самой воды. И рядом с ней — два трупа разбойников. Голицын подошёл ближе.

Первый лежал на животе, с мечом в спине. Меч вошёл между рёбер, под левую лопатку, и вышел из груди — прямо в сердце. Удар был нанесён снизу вверх, с большой силой и с точностью, которую не ждёшь от семнадцатилетнего мальчишки. Рукоять меча — и Голицын узнал её. Чёрное дерево, резной ворон с расправленными крыльями. Родовой знак Чёрных Воронов. Меч Всеслава.

Второй разбойник лежал метрах в пяти, привалившись к берёзе. Голова свесилась на грудь, руки безвольно лежали на коленях. На шее — глубокая рваная рана, от левого уха до правого, почти отделившая голову от туловища. Крови было много — целая лужа под ним.

Голицын представил эту сцену. Всеслав — семнадцатилетний мальчишка, тощий, бледный, — выхватывает меч, когда на обоз нападают пятеро. Убивает первого — точным ударом в спину. Второй замечает его, бежит с ножом — Всеслав уклоняется, перехватывает руку, режет

горло. Двое готовы. Остаются трое. Но третий — рыжий, тот, которого Голицын убил камнем, — налетает сбоку. Всеслав парирует, но не успевает увернуться от четвёртого — того, с дубиной. А пятый — чернявый с копьём — колет его в бок, снизу, под рёбра, в печень. Секира или меч — не важно. Главное — рана смертельная. Всеслав падает, теряя сознание. Разбойники думают, что он мёртв, и отворачиваются. А через некоторое время приходит Голицын.

— Двоих убил, — сказал Голицын, глядя на меч с вороном. — Молодец, парень. Жаль, что не дожил.

Он нагнулся, с трудом — боль в боку резанула, в глазах потемнело, — поднял меч. Рукоять легла в ладонь как влитая. Чёрный ворон смотрел на него пустыми глазами.

СИСТЕМА КОНТУР | ИНВЕНТАРЬ

Меч «Чёрный Ворон» (родовой). Качество: среднее. Состояние: удовлетворительное. Особенность: +5 к карме при использовании против врагов рода.

— Карма, — хмыкнул Голицын. — Значит, система учитывает не только убийства, но и мотивы.

Он повесил меч на пояс, потянулся и застонал — каждое движение отдавалось в боку острой болью. Пальцы нащупали под повязкой что-то мокрое. Кровь. Снова.

А потом он увидел её.

Она лежала в двадцати шагах от телег, в высокой прошлогодней траве. Лет пятнадцать — худенькая, светловолосая, в разодранном сарафане. Живот распорот — от грудины до лобка. Внутренности вывалились наружу — серые, скользкие, ещё тёплые, пульсирующие. Кишки лежали на траве, извиваясь в агонии, блестя на свету.

Девчонка была жива.

Её грудная клетка вздымалась — редко, с хрипом, с бульканьем. Глаза открыты, но взгляд отсутствует — смотрит в небо, в серые облака, и ничего не видит. Губы шевелятся беззвучно — как у рыбы, выброшенной на берег.

Голицын подошёл, опустился на колено. Левую руку он держал на боку — боль стала фоновой, привычной, но каждое движение отдавалось в печени.

— Я не могу тебя спасти, — сказал он тихо. — Ты умрёшь через час. Может быть, через два. Но ты будешь мучиться всё это время.

Она не ответила. Глаза дёрнулись в его сторону — на секунду. В них мелькнуло что-то — может быть, узнавание, может быть, надежда, может быть, просто страх.

Голицын взял нож. Тот самый, засапожник рыжего, который он поднял из грязи после того, как убил первого. Лезвие чистое — он вытер его о штаны убитого.

— Закрой глаза, — сказал он.

Она закрыла.

Он ударил. В сердце, через рёбра, под грудину. Третий межрёберный промежуток, чуть левее. Один удар — точный, короткий, с поворотом лезвия. Нож вошёл без хруста — только влажный, чавкающий звук. Девчонка вздохнула — последний раз, протяжно, со свистом, — и её тело обмякло. Глаза остались закрытыми.

Голицын вытер нож, убрал за голенище.

СИСТЕМА КОНТУР | КАРМА +10

За милосердное умерщвление умирающей.

— Десять очков кармы за убийство ребёнка, — Голицын усмехнулся, но усмешка вышла кривой — боль в боку перекосила лицо. — Мир сошёл с ума. Или система.

Он перевернул девчонку лицом вниз, чтобы не смотреть на разорванный живот, и накинул на неё какую-то ветошь из скраба.

Голицын методично обошёл место боя. Босиком, по холодной грязи, прижимая левую руку к боку, правой держа меч наготове — на случай, если кто-то из разбойников выжил.

Картина сложилась быстро.

Пятеро напали на обоз. Убить старика и мужика — дело нескольких секунд. Девчонку ранили, но не добили — может, пожалели, может, просто не успели. Всеслав успел выхватить меч и убить двоих, прежде чем ему самому прилетело в бок. Потом разбойники отвязали лошадей от повозок — собирались забрать, но Голицын очнулся раньше, чем они успели увести. Лошади испугались криков и крови и убежали в лес. Три разбойника остались добивать княжича — и навалились на Голицына.

— Пять трупов, — подвёл итог Голицын. — Трое моих, двое Всеслава. Все готовы.

Голицын обыскал трупы методично, как учили в охранном отделении: быстро, без лишних движений, нащупывая каждый шов, каждый карман.

Рыжий (проломленный череп): кожаная безрукавка — не подошла, велика. Овчинный полушубок — забрал, пригодится на подстилку. Накинул поверх своей кольчуги. Сапоги — его, Василия, яловые, с железными подковами. Сняли, когда он был без сознания. Голицын натянул их с трудом — ноги замёрзли, пальцы не слушались. Зато тепло. За голенищем — нож. Тот самый, что он метнул в шею второго разбойника. Забрал. Кошель из свиного мочевого пузыря — десять византийских милиарисиев. Глиняная фляга с самогоном. Горсть сухарей с плесенью. Маленький кожаный мешочек с солью. Трут, кремь, кресало в жестяной коробочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.